

**Стенограмма выступления на Международной конференции
«Конституция в эпоху глобальных перемен и задачи конституционного
контроля»**

15 мая 2018 года, г. Санкт-Петербург

*Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ, Член Комитета по экономическим,
социальным и культурным правам Организации объединенных наций*

Наверное, если бы я отказался выступить, больше бы аплодировали, чем сейчас, когда я собираюсь говорить, потому что наступает обед. Но поскольку я приглашен, я должен кое-что сказать.

И вторая оговорка – это то, что я отдаю себе отчет в том, что здесь сидят умудренные специалисты по конституционному праву, а я бедный юрист-международник должен вас чему-то учить. Я не для этого пришел к вам, но позвольте кое-что сказать.

Первое. Когда говорим о конституционном контроле, мы должны, прежде всего, исходить из того, что речь идет о суверенитете государства. Суверенные государства определяют всю архитектуру, в том числе и международного права. С одной стороны, государства стараются выполнить все обязательства международные, для этого вносят положения в сами конституции. Кстати, в Российской Федерации дважды это сделано, прежде всего, путем части 4 статьи 15, и, во-вторых, вся глава Конституции посвящается – статьи с 17-й по 64 – именно правовому статусу. Я уже не говорю о том, что в статье 17 говорится о том, что в Российской Федерации гарантируются права человека в соответствии с международными принципами и нормами, и потом указано – в соответствии с Конституцией. Это все правильно.

Проблема возникает только тогда, когда само государство отчитывается перед международным сообществом. И здесь, посмотрите, что происходит: Россия взяла обязательства международные, на уровне

региональном, то есть в рамках Совета Европы, или в рамках Организации Объединенных Наций. Все обязательства являются международными, и для Российской Федерации не может быть такого, что на уровне ООН я выполню полностью, на уровне Совета Европы – частично. Для России обязательства одинаковые. Но Россия не может предрешать то, что Европейская конвенция по правам человека, прежде всего, закрепляет гражданские, политические права, а в системе Организации Объединенных Наций Россия одинаково участвует в пактах о гражданских, политических правах и социальных, экономических и культурных правах. В рамках Совета Европы социальные права имеют совсем другой статус. Но Россия и Конституционный Суд следят именно за тем, чтобы выполнить международные обязательства по всем категориям прав человека: по гражданским, экономическим, социальным, культурным и так далее. Более того, региональный механизм не обеспечивает единство универсальности этих прав.

Что я этим хочу сказать? Кто проверяет соответствие стандартов, которые возникают на уровне регионализма и универсализма, какой орган? В международном праве нет такого органа. А я знаю совещание, которое проводится ежегодно между Советом Европы и ООН. Я знаю, какие вопросы обсуждаются, какие там принимаются рекомендации, и все прочее. Но если им руководствоваться, конституционные суды ничего не могут из этого взять толком.

Тогда спрашивается, как надо ориентироваться, чтобы и государства были удовлетворены, и международная система полностью соответствовала всему этому? И вот здесь как раз мы приходим к проблеме – то, что называется глобальная эпоха. Проблема заключается в том, что вот эти международные механизмы в лице международного суда Европейского или договорных органов по правам человека, которые называют, как полусудебными органами – они стараются выйти за рамки конвенционных предписаний. С одной стороны, это правильно, потому что жизнь продолжается, возникают новые вопросы, эти органы разрабатывают свой

потенциал и, исходя из этого, хотят что-то там изменить. Но пределы изменения и выход из этого не поддаются контролю. То есть государства дали согласие на конвенцию, но решения, которые принимаются этими органами, они не воспринимаются этим государством. Как быть в этой ситуации? То есть мы имеем дело не с правом, а с политикой.

Приведу пример. Вот сейчас Министр юстиции говорил, что вчера Россия отчитывалась в УПО – Универсальном Периодическом Обзоре. Это межгосударственный форум, где России все время задают вопрос: «Почему у вас нет всеобъемлющего закона о дискриминации?» Я говорю: «Как же нет? Посмотрите, в Конституции это заложено, в отраслевых у нас полностью это все есть! В совокупности российская правовая система полностью отвечает таким критериям». Они говорят: «Нет, вы должны принять специальный всеобъемлющий закон именно антидискриминационный».

Что они имеют в виду? Чтобы обязательно прописали там именно на основе сексуальной ориентации гендерные принадлежности. Если это не зафиксировано в российском законодательстве, у России нет соответствующего закона, который бы отвечал международным стандартам.

Мы задаем вопрос: «Откуда вы взяли это? Если взять Всеобщую декларацию прав человека, если взять пакты о правах человека, нет таких критериев». Они говорят: «Нет, жизнь идет вперед». И кстати, здесь эти вопросы преподносятся как проблемы меньшинств, но эти меньшинства становятся настолько агрессивными, что начинают ломать именно то, что согласовали сами государства.

Я напомню одно положение, я просто привез Всеобщую декларацию прав человека, которая является основой всей этой системы. И знаете, как преамбула Всеобщей декларации прав человека заканчивается? Смотрите: «Всеобщее понимание характера прав и свобод имеет огромное значение для полного его выполнения». То есть проблема всеобщего понимания остается в повестке дня, как раньше это было, так и сейчас.

И вот эти действия международных правозащитных органов часто игнорируют именно это. А ведь думаешь, что вот можно что-то продиктовать государствам. Я согласен, что межгосударственная система работает только тогда, когда есть конструктивный диалог, как вы говорили об этом. Но этот конструктивный диалог должен учитывать то, что главное действующее лицо – это суверенное государство. И если какие-то вопросы возникают за пределами допустимости Европейской конвенции, или вы хотите что-то изменить там, вы не можете сделать это на уровне судебных решений. Тогда Конституционный Суд скажет, как в постановлении в 2015 году о том, что мы это не можем выполнить. Чтобы избежать этого, вы должны набирать такие конституционные предложения, как Конституционный Суд, и прийти к государствам, и государства должны это всё обсудить – комитет министров у вас в Совете Европы, и оттуда должны подумать, изменят ли какие-то положения конвенционные или нет. Если вы ничего не измените, всё будет усложняться.

Я хочу сказать, что, к сожалению, эта тенденция усиливается и в рамках ООН, и в рамках Совета Европы, и поэтому Конституционному Суду приходится еще больше работать.

И в связи с этим есть у меня одно предложение. Я посмотрел, кто еще обладает полномочием по конституционному контролю в Российской Федерации, кроме уважаемого Конституционного Суда. Конечно, Президент Российской Федерации. Есть статья 80 (часть вторая), которая говорит, что Президент является гарантом и Конституции, и прав человека. Я потом поискал, где еще продолжение найти этого. Знаете, где обнаружил? В Положении о Министерстве иностранных дел Российской Федерации. В Положении, которое утверждено Указом Президента Российской Федерации, где говорится, что работу МИДа возглавляет Президент Российской Федерации, и я могу зачитать Положение, где говорится о том, что МИД осуществляет контроль за выполнением Российской Федерацией международных обязательств. То есть у него есть больше полномочий, чем у

Конституционного Суда, потому что Конституционный Суд осуществляет конституционный контроль только не вступивших в силу международных договоров. У МИДа больше в этом отношении маневров, и отсюда, мне кажется, что, уважаемый Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, вы очень хорошо работаете с Верховным Судом. Когда у Верховного Суда возникает проблема, они обращаются к вам за разъяснением, у вас механизмы налажены. Но хорошо было бы, наладили бы взаимоотношения с МИДом в этом отношении.

Обобщая все это, хочу пояснить, вы знаете, почему говорю? Как эксперт ООН, когда Россия отчитывается, я посмотрел Постановление. Кто отвечает, допустим, за УПО? Отвечает Минюст. За Комитет по правам человека? Минюст, МИД. За Комитет по экономическим и социально-культурным правам? Минтруд, Минздрав, Минобрнауки, МИД. Все эти положения оседают в этих министерствах, а вот обобщающей инстанции как-то, понимаете, не получается. Потому что ни представитель Конституционного Суда, ни Верховного Суда, конечно, не участвуют в межведомственных таких делегациях, они и не должны участвовать.

Поэтому мое предложение такое: может, пора подумать и создать какой-то орган консультативный, чтобы Конституционный Суд, Верховный Суд и МИД посидели и поговорили именно об этих вещах, потому что вам придется больше и больше реагировать. Я не думаю, что у вас хватит сил, чтобы все время принимать такие Постановления, как Постановление 2015 года. Это очень большая работа.

И второе. Сейчас реформируется пенсионная система Российской Федерации. И слава Богу, что мы думаем о том, что людьми, которые уходят на пенсию, надо как-то заниматься. Потому что у нас продлевается жизнь и, соответственно, мы должны поменять всю стратегию пенсионного возраста. Человек уходил на пенсию, допустим, в 60 или в 65, и мы должны знать о том, что этот человек будет жить активно не меньше 90 лет.

Поэтому, чем заниматься 25 лет? Вот чтобы уважаемые председатели в конституционных судах, заместители верховных судов и так далее после пенсии пришли и читали только лекции в каких-то университетах, наверное, надо создавать какой-то форум, где генерироваться будет весь этот опыт в совокупности, потому что, я думаю, что от этого выиграют все. Я знаю, что Талия Хабриева сейчас скажет, что её институт этим занимается. Безусловно, занимается этим. Я думаю, что надо как-то обобщить, и в общем надо уже объединиться в этом, потому что у нас впереди очень серьезные вызовы.

Спасибо за внимание.